

ГЛАВА 1

Автосервис на Балтийской функционировал не первый год и все это время неизменно держал планку, ориентируясь на европейские стандарты качества, отчего котиrowался у москвичей весьма высоко. Не все филиалы известной сети автосервисов могли похвастаться стабильностью в плане обслуживающего персонала, здесь же текучка кадров практически отсутствовала. А все потому, что администратор, Колян Степаных, как за глаза называли его сотрудники, толковый мужик. За рукастых людей держится, зарплату не зажимает и клиентов дежных и адекватных удержать умеет.

С клиентами Колян Степаных работает виртуозно. Попадешь на такой момент, когда он клиента «окучивает», — залюбуешься. Ведь и не лебезит перед толстосумами, и «мульку» не прогоняет, все честь по чести, а прислушивается народ, доверием проникается. Постоит, послушает, да и оставит

свой шикарный автомобиль на профосмотр, хоть собирался всего лишь масло в движке заменить или резину с зимней на летнюю переобуть.

От Коляного таланта работягам всегда навар. Во всех автосервисах мертвый сезон, а у Коляна очередь на месяц расписана. Парни по шестнадцать часов пашут, чтобы всех желающих успеть обслужить. И никто не стонет, на выходной не просится, потому что копеечка трудовая от количества заказов складывается. Тут вам не оклад, тут сдельщина. Как говаривали деды: что потопаешь, то и полопаешь.

С распределением заказов у Коляна Степаныча всегда строго. Учет ведет в голове, но никогда не ошибается. От этого и зарплата примерно вровень, но не мизерная, а достойная, в карман приятно положить, перед женой на столе не стыдно рассыпать, да и с друзьями в престижный клуб сходить по карману не бьет. Крутой из Коляна администратор, одним словом. Вот люди за работу и держатся, подвести его боятся, чтобы хлебного места не лишиться.

С этим у Степаныча строго. Бездельников и лоботрясов он у себя на Балтийской не держит. Жучил, которые своих же парней-работяг подставить нороят, на дух не переносит, и все это знают. Раз схитришь

перед Степанычем — второго шанса он тебе не даст, выпрет взащей, да еще речь душе-спасительную загнет такую, что самых толстокожих пробирает. Коллектив у Коляна Степаныча дружный, несмотря на то что разброс у слесарей в возрасте лет тридцать.

Пашке Глинкину за шестьдесят уже. Он с машинами с десяти лет возится. Ему и кличку за возраст дали соответствующую, Дед. Домовому чуть поменьше, к пятидесяти подходит, и в автосервисе он всего лет пять, но у клиентов ценится. Двум братьям-близнецам Шапошниковым по тридцать пять. Уключине, дородному рыжеволосому битюгу, около сорока. Остальным — в районе от двадцати пяти до сорока пяти. Стаж работы тоже у всех разный, но качество работы неизменно высокое.

Исключением из правила можно назвать разве что Никиту. Парень он совсем молодой, девятнадцать только стукнуло, опыта, соответственно, практически никакого, но держит его Колян Степаныч, приглядывается. Мужики шутят: Степаныч смену себе растит. А сам он над шуткой не смеется. Рано или поздно и ему смена понадобится, всегда приятнее знать, кто твое дело дальше поведет. А то ведь как строить — так никого, а как развалить плоды многолетнего труда — так специалистов пруд пруди.

Никита за такое доверие платит Степанычу сыновней любовью и безотказностью. Работать он только в вечернее время да по ночам может. Утром в институте гранит науки грызет, а еще за матерью присматривает. Мужики злятся, простофилей Никиту считают. Вот, мол, повесил себе на шею обузу. Ладно бы еще инвалидом была, ноги отказали или к капельнице привязана, а то ведь вся привязка в бутылке заключается. «Агдам» да «Три семерки» — лучшие друзья. Никита нападки терпит и мать не бросает. Продукты домой таскает, чтобы той было чем закусить, а деньги — ни-ни, у Степаныча в подсобке держит. Узнает мать, что в доме деньжата завелись, до тех пор не успокоится, пока заначку не найдет, а найдет, так сразу и пропьет с дружкой. Одно хорошо, водить в дом своих собутыльников перестала. Это после того, как Никита ей ультиматум выдвинул: либо дружки-алкоголики, либо крыша над головой и жрачка.

А руки у Никиты золотые, и голова толковая. За год так слесарскую премудрость изучил, как иной за десять лет не освоит. И сам образовывается, повышает квалификацию. Свободная минутка выпадет — мужики курить, а он в телефон уткнется и не в игрушки, как его сверстники, играет, а статьи всякие по ремонту автомобилей вы-

искивает и заучивает наизусть. Сам Колян Степаныч нет-нет да обращается к студенту с вопросом, если какую новомодную примочку в автомобиль поставить нужно. Никита информацию соберет, изучит и проконсультирует мужиков.

Сегодня на Балтийской работы немного, пересменок случился. Три авто на два дня раньше закончили, ремонт еще одной пары притормозили, хозяева на моря стартанули. Лето все-таки, время отпусков, всем на солнышке погреться охота. Мужики уже перекур закончили, переодеваться собрались, а Никита над «Опелем» завис. Полчаса простоял без движения. Забеспокоились мужики, такого с Никитой еще не случалось, чтобы он не знал, какой следующий шаг в работе, а помощи не просил. Дед с мужиками посоветовался и решил вмешаться.

— Эй, студент, чего над капотом вишишь? Не срастается что-то? — крикнул он.

Никита даже не шелохнулся. Дед покачал головой и поплелся к «Опелю». Подошел, похлопал Никиту по плечу. Тот вздрогнул, перевел на него взгляд, и Дед обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке, парень?

— А? Что? Да, дядь Паш, я в порядке. — Никита потер лицо руками. — Устал немного, но в целом в норме.

— Снова мать дебоширила?

— Нет, она сейчас в завязке. Неделю не пьет, — машинально ответил парень, но Дед видел, что мысли его где-то далеко.

— Снова отец? — спросил он, понизив голос, чтобы не слышали остальные мужики.

— Не беспокойтесь, дядь Паш, — ушел от ответа Никита.

— Ну, смотри... А то, если помощь нужна, я могу и остаться. Барбара моя сегодня у внуков ночует, так что я почти холостяк, — предложил Дед. Барбарой он любовно супругу свою величал, за пристрастие к бразильским сериалам.

— Спасибо, дядь Паш, но я и сам справлюсь. Честно.

Дед ушел, Никита быстро подсоединил клеммы аккумулятора, закрыл капот и пошел в раздевалку. Мужики еще не рассосались: меняли спецовку на парадно-выходную одежду, смеялись и подкалывали друг друга. В общем, привычная картина для конца трудового дня. Он достал из металлического ящика джинсы и футболку, сбросил робу и поплелся в душевую. На душе было муторно, настроение, как у куклы Барби, тоскливо-слезливое.

«Говорят, со временем отпустит, а когда наступит это время? Через полгода, через год? Месяц прошел, а легче не стало.

Дед простой вопрос задал, а ты сразу окаменел весь. А ведь он не из праздного любопытства, помочь хочет. Видит, как я маюсь. Мать — другое дело, она больше о потере халявы плачется. Только нашла поилку, из которой водка пусть и не рекой, но стабильным ручейком текла, а он взял и помер. Ох уж ей и обидно. Неделю пить не на что, проценты со вклада снять нельзя, иначе все профукаешь, а выпить-то охота. Домой сегодня лучше не спешить, допечет так, что сам за бутылкой поскачешь». — Мысли в голове Никиты жили как бы сами собой, и рад бы заглушить, да никак не выходит.

Чаще всего мозг атаковали два воспоминания. Первое — они с отцом в развлекательном центре на Садовом кольце. Шикарный центр, и место шикарное, в открытом ресторане на крыше четырехэтажки. Здорово все-таки эти барыги придумали, сидишь себе, сок или коктейль через трубочку потягиваешь и на Москву любишься. Это, конечно, не Останкинская башня с ее знаменитым рестораном, но тоже эффектно. Раньше он там никогда не был. Раньше... Странное слово и ощущения странные.

Еще совсем недавно его жизнь текла ровно и размеренно и вдруг, в одночасье, круто изменилась, разделившись на «до» и «после». Как так вышло, он и сам до кон-

ца не понял. Просто в один по-настоящему прекрасный момент у него появился отец. И ведь не бомжара какой-то, не пропойца, как мать, не трутень, а самый настоящий отец, со всеми вытекающими последствиями.

Пришел на работу, вызвал на улицу и вывалил на голову новость. Привет, мол, я твой биологический отец. Ничего так новость на девятнадцатом году жизни. И где же ты раньше был, папаша? Гулял-гулял, и вдруг в семью поиграть захотелось? А ты меня спросил, оно мне надо? Мне мамы за глаза хватает, так еще и папаша объявился.

Оказалось, зря бузил. О существовании сына отец узнал всего неделю назад. Вечно пьяная мамаша не сочла нужным оповестить его о рождении ребенка. Ничего удивительного. Как сама-то об этом не забыла, вопрос. Ну да бог с ней, как сложилось, так сложилось. Решил отец наверстать упущенное, кто против?

Познакомились, начали общаться. Сначала осторожно, точно борцы на ринге друг друга прошупывали, а потом как-то все устаканилось. Даже весело стало. Олег (язык не поворачивался называть его отцом) оказался человеком весьма незаурядным. Много знал, много читал, на любую тему разговор поддержать умел. И подарка-

ми подкупить не пытался, что Никите нравилось больше всего.

Что матери денегат подбрасывал — так это, можно сказать, производственная необходимость. По документам-то он Никите никто, а мамаша возбухать начала, мол, нечего к моему ненаглядному пристраиваться. Ты его не растил, не тебе и проценты стричь. Прямо так и сказала. И невдомек ей, что сын уже совершеннолетний, с кем решит, с тем и будет общаться. Олег же к ее причудам отнесся снисходительно. Деньги давал, но умеренно, потому и он, Никита, не сильно насчет этого переживал.

А месяц назад жизнь снова круто завернула. И новую черту разделительную провела на «до» и «после». Только теперь это «после» таким мерзким стало, хуже кучи дерьма. Раньше делилось «до отца» и «после отца», теперь к обеим границам прибавилось трагическое слово «смерть». Если вдуматься, понимаешь, насколько страшное это слово. Интересно, кто-нибудь еще об этом задумывался? Те, кто говорит: подумаешь, смерть, все мы рано или поздно умрем, так чего ее страшиться, — идиоты! Смерть страшна не тому, кто умирает, а тому, кто остается. Первому уже все равно, для него это просто конец всему. Но для того, кто остается, это понятие куда шире. Это не конец, это начало мучений. Начало

душевных терзаний, боли, тоски и одиночества. Начало бессонных ночей и рек слез, пролитых в подушку. Начало черной депрессии и пустоты. Мало? Можно и продолжить, да только какая от этого польза?

Но самое страшное не в тоске и одиночестве. Самое страшное в вечном вопросе, который задают себе те, кто остался. Задают непременно, даже обязательно. Перед теми, кто остается, этот вопрос стоит всегда. Мог ли ты сделать хоть что-то, чтобы предотвратить смерть близкого человека? У каждого ответ звучит по-разному, но только в деталях. В главном он выглядит всегда одинаково: мог. Может, не в момент смерти, а намного раньше, но всегда мог.

Мог заставить жену пройти обследование молочных желез еще в тридцать, и тогда, в свои неполные сорок, она не умерла бы под ножом хирурга. Мог не покупать сыну первый мопед, и тогда в двадцать, войдя во вкус быстрой езды, он не разбился бы на гоночном мотоцикле. Мог не пустить подружку на курсы кройки и шитья, и тогда она не разбилась бы в самолете, спустя десять лет отправившись на рабочую конференцию. Снова мало? Этот список можно продолжать до бесконечности...

Для Никиты точкой, когда он «мог», всегда будет стоять тот поход в развлекательный

центр на Садовом кольце. Неудивительно, что мозг то и дело прокручивает его, как заезженную пластинку. Встреча была классная. Таких встреч становилось все больше: ушла неловкость, появились общие воспоминания, начали зарождаться общие интересы, и даже места отдыха стали «общими». И все же кое-что неприятное в эту встречу произошло. Тот звонок, который не дает Никите покоя. Когда зазвонил телефон, они сидели на открытой веранде, обустроенной под кафе. Олег пил кофе, Никита выбрал сок. Болтали ни о чем, пока не нащупали интересную тему, что-то про ацтеков. С некоторых пор Никиту заинтересовала история ацтеков, он читал любопытные статьи, изучал материал. И вдруг обнаружилось, что Олег в этой теме шарит не хуже профессора исторических наук. Ну, и зацепились языками.

А тут этот звонок. Олег явно не хотел брать трубку, в первый раз даже сбросил вызов. Но звонок повторился, потом еще раз и еще. Никита неловко ерзал на стуле, ему казалось, что отец не берет трубку из-за его присутствия. Тогда он схитрил. Сказал, что ему надо в туалет, поспешно поднялся и вышел. Оглянувшись от порога, увидел, что Олег уже разговаривает по телефону, и ушел. Когда вернулся, отец все еще продолжать говорить, отойдя к парапету,

и явно был в сильном раздражении, так как разговаривал на повышенных тонах, и Никита невольно кое-что услышал. Не особо приятные вещи, надо сказать. Олег с кем-то спорил, вернее, ругался. Суть конфликта Никита не уловил, но и того, что услышал, оказалось достаточно, чтобы понять — Олегу кто-то угрожает, и ему не остается ничего другого, как угрожать в ответ. Стальные нотки в голосе новоиспеченного отца, злые льдинки в глазах, напряженные плечи и изменившийся до неузнаваемости голос: все это напрягало.

«По сути, что я знаю о нем? — пронеслось в голове Никиты. — Только то, что он посчитал нужным сообщить. А вдруг все его слова лишь пустой треп? Вдруг он не тот, за кого пытается себя выдать? Да нет, зачем это ему? Что можно с меня взять? Сомнительное наследство в виде пьющей мамы, больше ничего. И кто же в здравом уме позарится на такое богатство?»

А Олег продолжал наезжать на неизвестного собеседника. Говорил жестко, отрывисто, даже как-то беспощадно. Даже Никите, который к конфликту совершенно никакого отношения не имел, и то стало не по себе. Он остановился, не доходя двух столиков до Олега, и никак не мог решить, стоит ли сейчас попадаться на глаза отцу или лучше

переждать. Неизвестно, на что он решился бы, но Олег заметил его раньше. Лицо его сразу преобразилось, расцвело доброжелательной улыбкой. Он призывно замахал рукой, подзывая Никиту, и скоренько свернул разговор.

Неприятную сцену они не обсуждали, так, парой фраз перекинулись и забыли. Вернее, сделали вид, что забыли. «Проблемы?» — спросил Никита. «Ерунда, не бери в голову», — ответил Олег. На этом все и кончилось. На тот момент.

Второе воспоминание должно бы, по идее, быть сильнее, а вот нет. Просто из головы не идет, душу выматывает, но угрызений совести при этом не вызывает. Никита в городском морге возле стеллажей холодильных камер. Справа стоит следователь, слева сотрудник морга, который ждет, пока Никита будет готов, так, по крайней мере, он сказал. А Никита уперся взглядом в дверцу камеры под номером «восемнадцать двадцать три» и ни слова произнести не может. Даже кивнуть в знак того, что готов, и то не в состоянии. Вокруг не осталось ничего, кроме этих выведенных трафаретом цифр. Они наползают, становятся все больше, будто хотят вырасти до размеров динозавра и сожрать всех, кто дерзнет прикоснуться к ручке дверцы.

Сожрать не сожрали, но сознание Никита все же потерял. Как сквозь вату услышал окрик следователя, ощутил на плечах заботливые руки работника морга, и следующее, что почувствовал, когда снова начал себя осознавать — это холод искусственной кожи, обтягивающей кушетку. Следователь трындел с кем-то по мобиле, а сотрудник морга легонько водил у носа Никиты ваткой, смоченной в нашатыре.

Опознание Никита все же произвел. Взглянул на Олега, накрытого белой простыней, признал в нем того человека, кого всего несколько месяцев назад узнал как своего отца, подписал соответствующие бумаги. На тот момент он просто не мог задавать вопросы, выслушивать детали и подробности того, что случилось с отцом. Вообще был не в состоянии общаться с кем бы то ни было. Следователь к его состоянию отнесся с пониманием. Наверное, ему не раз приходилось наблюдать подобное, поэтому он и не возмущался. Велел прийти в отдел завтра и даже на машине до дома подбросить предложил. Никита отказался. Отбрехался тем, что хочет побыть один, разобраться в своих ощущениях. Все-таки отцом ему Олег был всего несколько месяцев. По большому счету его смерть никак на жизни Никиты не должна отразиться. Подумаешь,

все вернется на круги своя, на период «до отца». Следователь не настаивал, отпустил парнишку с миром. Никита пробежался быстрой рысцой от морга до набережной, но разве это прогулка? Слово «прогулка» подразумевает под собой нечто иное. Красивое место, приятная компания. Все неспешно, тепло и празднично. Но и домой ему идти в таком состоянии совершенно противопоказано. Там мать, а вместе с ней расспросы и неуместное любопытство.

«Матери еще как-то сообщить придется. — Никита мысленно застонал. Мучительно думать о том, как сказать родительнице, что ее калым накрылся, и при этом не возненавидеть за то выражение, которое наверняка появится на ее лице. — Нет, сегодня ничего говорить не буду. Не буду, и точка», — решил он.

Но сказать пришлось. Мать сразу поняла, что у сына неприятности, так что отнекиваться смысла не было. Какой бы черствой и безответственной ее не считали окружающие, но настроение сына она угадывала безошибочно. Да, она могла быть грубой, неприятно безбашенной, но если у Никиты возникали настоящие неприятности, она никогда не усугубляла ситуацию ворчанием или нравоучениями. В такие минуты она становилась обычной, почти нор-

мальной мамой. Садилась возле сына, прижимала его голову к своему костлявому плечу и гладила по волосам до тех пор, пока его плечи не расслаблялись, дыхание не становилось ровным, а дурные мысли не улетучивались из головы раз и навсегда. Вот такой вот парадокс.

Весь вечер мать просидела тихо, какмышь, а наутро завела свою песню: и как же ей снова не повезло, да как же жизнь несправедлива. Только стала компенсацию получать за то, что столько лет одна на горбу сына тянула, как злодейка-судьба взяла и забрала кормильца. Попричитала, поохала, и давай Никиту пытаться, что да как с его новым отцом приключилось, с чего это он вдруг решил на себя руки наложить. Причем вопросы задавала все дельные. Никите и самому хотелось бы узнать на них ответы. Интересовало мать все: начиная со способа самоубийства и заканчивая наличием завещания со стороны Паршина. Слово «самоубийство» она произносила легко, гораздо легче, чем Никита его воспринимал. А что тут такого? Устал человек, решил разом избавиться от всех проблем. Глупо? Глупо, но действительно.

Слушая мать, Никита все больше погружался в свои собственные мысли. Где наши отцы? Почему он был в том злополуч-

ном гараже в такой поздний час? И почему, если это действительно акт суицида, не сделать этого дома? У Олега своя квартира, не арендованная, за наличку купленная. Так зачем надо было снимать гараж? Странно это. В гараже он мог провисеть очень долго. Пока запах не пойдет. А в квартире консьерж. В его обязанности входит дважды за дежурство этажи обходить и мусор собирать. Оставил дверь открытой, консьерж обязательно на это внимание обратит. Все лучше, чем в собственные кроссовки зловонной жижей стечь. Так хоть похоронить по-человечески смогут.

Но следователь сказал, что Олег совершил акт суицида в арендованном помещении гаражного кооператива. До тех пор, пока не пришел к следователю, Никита был уверен, что отец повесился. Накинул петлю на шею и с табурета шагнул. Оказалось, что умер он от отравления угарным газом. Лежал возле выхлопной трубы, прямо под машиной. Услышав это, Никита как-то сразу решил для себя: из жизни отец ушел не добровольно, ему помогли, и тут же выложил свои предположения следователю.

Тот сначала вежливо объяснял, что нет ни одной причины так думать. Следов насильственных действий на теле умершего нет. Следов пребывания в гараже посторон-

них — тоже. Опрос соседей никакой конкретики не дал, да следователь не особо на это и надеялся. По документам аренды Паршин снял помещение за день до смерти, ни с кем из соседей познакомиться не успел. Его даже не видел никто ни разу. И потом, по статистике, водители личного автотранспорта, решив свести счеты с жизнью, выбирают именно такой способ. Завел движок, прикрыл дверь гаража и можешь считать, что дело в шляпе. Ни боли, ни страха, ни времени на то, чтобы передумать. Уснул, и все.

А звонки? Так мало ли людей со своими коллегами или друзьями ссорится? Повздорили мужики, что-то не поделили и начали друг другу нервы трепать. Того, что слышал Никита, для обвинения в преднамеренном убийстве маловато будет.

И все же Никита был уверен: Олег сам на себя руки не накладывал. И эта уверенность буквально сводила его с ума. Целый месяц он ходил сам не свой. Целый месяц перебирал в памяти каждый разговор отца с неизвестным, который от него явно чего-то требовал и угрожал не в шутку. Он еще раза три к следователю ходил, пытался убедить его, что в смерти Олега не все так просто, как кажется на первый взгляд. Но все безрезультатно. Тот его выслушивал, неиз-

менно вежливо выкладывал перед ним факты и выпроваживал восвояси.

На прошлой неделе Дед не выдержал. Подкараулил Никиту после смены, отвел в сторонку и велел выкладывать все начистоту. Никита отнекивался, сколько мог. Ему не хотелось, чтобы еще и на работе его за параноика держали, но Дед сердито фыркнул и заявил: или рассказываешь правду, отчего места себе три недели не находишь, или пойду к Колянну Степанычу и потребую, чтобы до работы тебя не допускал, пока ты в таком состоянии. Никита взбрыкнул было, мол, за что допуска лишать, он разве плохо со своими обязанностями справляется? А тот напрямик: три дня назад чуть движок из-за Никиты не заporоли, потому как недоработал, болты не дотянул. Хорошо он, Дед, проконтролировать решил.

Никите на это и сказать нечего. Был косяк. Он еще с минуту упрямялся, а потом подумал: почему бы и нет? Дед не из болтливых, в чужие уши секреты не льет. И выложил все. И про странные звонки, и про скандальный разговор всего за несколько дней до смерти Олега, и про свои подозрения. И даже на следователя пожаловался, что тот доводов Никиты слышать не желает. Дед переубедить его не стал, присел

на деревянный ящик возле входной двери, вытащил из кармана неизменную беломо- рину, помял пальцами, прикурил. И выдал дельный совет: тебе, говорит, надо на Петровку идти. Есть там такой опер, Лев Гуров, к нему и обращайся. Он хоть и погоны полковничьи носит, но нос от таких, как мы с тобой, не воротит. И вообще мужик толковый, если кто и сможет в этой мутатени разобраться, так это Гуров.

Никита совет выслушал, на записку взял, но с визитом в Главное управление МВД не спешил. Кто он такой, чтобы полковник на него свое время тратил? Еще и аргументы в пользу Никитиной версии совсем хлипкие, с такими на Петровку не сунешься. Да и не пустят его к полковнику. Начнут «завтраками» кормить или лапшу на уши вешать, что, мол, на месте полковника нет. Походит Никита, походит, да и забудет на это дело.

Но дни шли, а лучше ему не становилось. Спать он совсем перестал, а если и задремлет в полном изнеможении, то всю ночь сны про отца видит. А тот вроде как осуждает Никиту. Что же ты, сынок, настоять на своем не можешь? Я ведь тебе не чужой. Неужели позволишь, чтобы эта мразь спокойно землю топтала, когда я в сырой земле гнию? ■ Нехорошо это, ох плохо. Будь я на тво-

ем месте, кровью умыться твоего обидчика заставил бы.

Ледяной поток из душевой лейки преврал мысль. Никита открыл глаза и отскочил в сторону. «Вот черт, снова это! Всю воду горячую вылил. Не хватало еще простудиться. Сколько же я здесь простоял?» Он завинтил кран, потянул с крючка полотенце, обмотал его вокруг талии и пошлепал босыми ногами в раздевалку. Там уже никого не осталось. Ну, почти никого. У выхода, привалившись к стене, стоял Дед. Никита сделал вид, что не замечает его. Насухо вытерся, натянул нижнее белье, взял в руки брюки. Дед дождался, пока он полностью оделся, и только после этого заговорил:

— К Гурову ходил?

— Времени не было, дядь Паш, — делая вид, что жутко занят, бросил через плечо Никита.

— Врешь! — спокойно произнес Дед. — Не ходил ты к нему, потому что и не собирался. Небось думаешь, что и он тебя слушать не станет, вот и не идешь.

— А что, нет? Разве я не прав? Можно подумать, он только меня и ждет!

— Может, и не станет. Поначалу. А ты убеди. Подай свою историю так, чтобы не смог он отказать. На жалость не дави — это последнее дело. И гонор не показывай, его

и так издалека видать. Будь упорным, и все получится. Ясно тебе?

— Ясно, — хмуро кивнул Никита. — Будет время — схожу.

— Сейчас самое время, — взглянул на часы Дед. — Это мы освободились пораньше, а у оперов еще самая страда. Так что дуй-ка ты на Петровку и без согласия Гурова не возвращайся!

— А работать кто будет? — Никита принял еще одну попытку отмазаться.

— Ничего, насчет работы не беспокойся. Я тебя прикрою. Надо будет, так и в ночь за тебя останусь. Да у тебя сейчас клиентов все равно немного.

— Ладно, дядь Паш, я подумаю.

— Неделю думал, — напомнил Дед. — «Думалка» у тебя, что ли, сломалась? А раз так, считай, я и в этом тебе помог, за тебя все придумал. Как доехать, знаешь?

— Знаю. — Никита подхватил сумку. — Пока, дядь Паш, завтра увидимся.

Он чуть ли не бегом пересек двор, вынырнул на улицу и помчался вдоль проезжей части. Скорость развил приличную, боялся, что Дед за ним погонится. Дед не погнался. Никита добежал до второго перекрестка и остановился перед светофором, ожидая, когда тот загорится зеленым. ■ «Может, и правда сходить? — мелькнула

мысль. — Ведь не прибудут же меня там? Ну, отфутболят, так что с того? Не в первый раз, да и не в последний».

Он злился на Деда, который вновь поселил в его душе надежду, и в то же время был ему благодарен. Сомневаться и робеть, по мнению Деда, — это нормально. Ничего не предпринимать из-за сомнений и робости — вот это уже дерьмово. В какой-то степени Никита был с ним согласен. Человек должен преодолевать трудности, искоренять эти качества в себе. Особенно если он мужчина. А Никита считал себя мужчиной. Наконец зажегся зеленый, но дорогу Никита переходить не стал. Вместо этого дошел до автобусной остановки, дождался нужного маршрута и отправился на Петровку.

ГЛАВА 2

Когда дежурный сообщил, что к Гурову настойчиво просится молодой человек, тот только вернулся от генерала Орлова, который битый час разносил полковника на все корки. Раскрываемость у него, видите ли, упала. Показатели он ему портит. А кто виноват? Сам поручает ему самые безнадежные дела, за которые братья никто не желает. Гуров эти дела берет, носится с ними, как насадка над цыплятами, а ему за это еще и нагоняй! Где логика? Но нет, сегодня генералу на логику наплевать, ему проценты подавай. Припомнил Гурову все мелкие и крупные огрехи. Поменьше бы со стороны безнадежных дел брал, осталось бы время на текучку. Видите ли, его доброхотство дорого отделу обходится.

Дорого! А ничего, что ни одно из тех дел, которые он, по словам Орлова, «из-за своей мягкотелости» взялся расследовать, в «висяки» не попало? Это как? Не считается?

А когда сам его, Гурова, дружку своему из Красноярска как толкового и, самое главное, безотказного опера рекомендовал, доброхотство в самый раз пришлось? А ведь он тогда с женой в Крыму отдыхал и никакими кровавыми делами заниматься не собирался. Как тогда Орлов пел: на тебя, Лева, вся надежда, не откажи двум старикам. Кто же поможет, если не ты! Лицемер паршивый! Двуличный Янус! Бюрократ заскорузлый! Закопался в своих бумажках, нужд людских не видит, вот и выделяется.

С таким настроением принимать посетителей, по какому бы вопросу те ни явились, Гуров не привык, а потому велел дежурному сказать, что сегодня он не принимает. Пусть приходят на следующей неделе. Парнишка оказался настойчивым, с первого раза дежурному не поверил. Заявил, что будет ждать столько, сколько нужно, и окопался на кресле для посетителей. Такой расклад дежурному пришлось не по вкусу. Охота была весь вечер под бдительным оком сопляка вахту нести? Ни расслабиться, ни чаю попить. Он снова связался с Гуровым, обрисовал ситуацию и от себя добавил, что проблемы-то у парнишки, похоже, серьезные. Совсем человека переживания докнали, кожа да кости остались да круги под глазами.

Но Гурова после нагоняя такими слезливыми историями не проймешь, поэтому он велел отправить парня к участковому по месту жительства. Пусть, мол, тот на официальном уровне с управлением связывается и требует помощи Главка. Поручит Орлов дело Гурову, тогда он и станет им заниматься. Дежурный передал заявление полковника слово в слово, и парень ушел. Теперь Гуров мог спокойно сидеть за рабочим компом и сколько угодно злопыхать на свое начальство. «Вот и отлично. Нечего сюда ходить. Здесь не богадельня, в конце концов. И я не единственный опер на Петровке, — мысленно ворчал Лев. — Пусть другие попадут вместо меня. А я теперь строго по приказу работаю».

Он поднялся из-за стола, прошелся до окна, открыл фрамугу и выглянул наружу. Свежий ветерок приятно охладил лицо. Июль в этом году баловал весенней прохладой. Жара будто отпуск взяла, на термометре вот уже неделю стабильные двадцать градусов застыли. И не жарко, и не холодно. Самое то. Взгляд его пробежался по зеленым кронам, опустился вниз и замер. На тротуаре, подняв голову вверх, стоял молодой человек и скользил взглядом по окнам здания, правда, без особой надежды на то, что кого-то там разглядит. В нем вообще не

было надежды. Пустой взгляд. Нет, не совсем пустой. Бездна надежды, вот как охарактеризовал бы этот взгляд Гуров.

— Черт, только не начинай! — вполголоса проронил он, поняв, кто стоит под окнами. Тот парень, что пришел по его душу и которого он, в угоду генералу, отбрил. — Да пропади оно все пропадом!

Лев оторвался от окна, бросился к аппарату внутренней связи и, набрав номер дежурки, приказал:

— Савельев, верни парня! Так и верни, вон он под окнами стоит. Проводишь ко мне, пропуск я выпишу.

Уже через пять минут парнишка стучался в дверь кабинета.

— Входите, не заперто, — пригласил Гуров.

Парнишка вошел в кабинет, сделал пару шагов и остановился у порога. Лев жестом предложил ему сесть и, когда парень послушно занял стул напротив него, сухо зато проговорил:

— Я вас слушаю.

— Я по поводу своего отца, — начал парнишка, но Лев тут же перебил его:

— Представьте, пожалуйста, так общаться легче. Мне, как я понимаю, представляться незачем. Раз уж вы так настойчиво ко мне рвались, значит, знаете, кто я.

— Полковник Гуров, — кивнул головой парнишка, — меня к вам коллега послал. Сказал, если кто-то и может помочь, так это вы.

— Давайте обойдемся без лести, — поморщился Лев и, бросив на парня быстрый взгляд, спросил: — Так как все-таки мне к вам обращаться?

— Никита Иноземцев.

— И что же вас привело на Петровку, Никита Иноземцев?

— С моим отцом произошла трагедия. Месяц назад его нашли в арендованном гараже под выхлопной трубой автомобиля. Он был мертв.

— Мои соболезнования.

— Спасибо.

Никита вдруг замолчал и уперся взглядом в пузатый бок графина, стоящего на столе. Плечи напряглись, желваки на скулах заходили ходуном. «Господи, да он ведь сейчас расплатится, — пронеслось в голове Гурова. — И что мне делать?» Плачущая женщина в кабинете оперативников — явление не редкое. Но чтобы заплакал мужчина — это нужно еще постараться. И опять же с мужчинами проще. Предложил воды или чего покрепче, дал сигаретку прикурить, он и успокоился, в руки себя взял, а после можно дальше общение продолжать. ■ Но этот слишком молод! Ему водки не на-

льешь, да и прикурить предлагать как-то неправильно. «Да, дела! Умеешь ты, Гуров, геморрой себе на задницу находить!» — мысленно вздохнул он.

Но плакать Никита не стал. Минуты две длилась борьба с нахлынувшими эмоциями, после чего он сделал несколько глубоких вдохов и, вздохнув, снова заговорил:

— Причина смерти — отравление оксидом азота, образующимся в результате горения автомобильного топлива. Ну, и акт суицида. А я с этим не согласен.

— Скажите, Никита, у вас есть какие-то основания думать, что смерть отца не является добровольным актом, или же это всего лишь предположение?

— Я считаю, что моего отца убили, — проговорил Никита, и столько в его голосе было уверенности и решимости, что Гуров невольно проникся к парню уважением.

Вот ведь, сидит перед полковником желторотый юнец, наверняка не раз отправленный следователем в известном направлении, но не робеет, мнение свое высказывает, и сразу видно, что отстаивать его собирается до победного конца.

— Объяснитесь, — попросил он.

Никита вкратце рассказал историю возникновения в его жизни Олега Паршина и быстро перешел к сути дела:

— Олегу угрожали. Думаю, не один раз. Лично я таких случаев могу насчитать минимум четыре, включая последний разговор, который произошел за неделю до его смерти. Не знаю, каким образом Олег собирался решить эту проблему, но один раз он применил ту же тактику, что и тот человек, который ему угрожал.

— Ту же тактику? Олег тоже перешел к угрозам, я правильно вас понял?

— Да, он перешел к угрозам, — подтвердил Никита и принялся оправдывать отца: — Поймите, его к этому вынудили. Они ведь не оставляли его в покое, хоть он и просил. Что ему оставалось делать?

— Заявить в полицию, например, — заметил Лев. — Каждой проблемой должен заниматься специалист. Но это мое мнение.

— Так он и хотел, — выпалил Никита. — Он ему так и сказал: не перестанешь мне звонить, пойду в «уголовку» и выложу все.

— В «уголовку»? Вы уверены, что Олег сказал именно это?

— Да, уверен. Я потом много раз этот разговор в голове прокручивал. Олег ведь бизнесом занимался, было бы логичнее, если бы он налоговой пригрозил или еще какой-то проверяющей структурой. Мол, пойду в ОБЭП и сдам вас, например. Ну, или в налоговую, или куда еще ходят, когда

махинации финансовые вскрыть хотят. Но Олег сказал — в «уголовку». А что это может означать? Только то, что человек, который ему угрожал, минимум один раз уже преступил закон. Совершил что-то, за что ему грозит уголовная ответственность. Вот я и решил: чтобы избежать уголовной ответственности за прежние прегрешения, тот человек решил избавиться от отца. Разве такое невозможно?

— Тут вы правы, такое случается, и довольно часто, — согласился Гуров. — Чтобы скрыть одно преступление, преступник зачастую совершает второе.

— Ну вот! И я о том же. Олега убили. Под выхлопную трубу сам он не ложился, а следователь меня и слушать не желает.

— Возможно, ситуация очевидна, — мягко произнес Лев, не собираясь обнадеживать парня. — Иногда улики говорят так ясно, что никаких сомнений не остается.

— Да что могут сказать улики? Все что угодно. Вот подумайте сами, зачем отцу брать внаем гараж, если у него квартира своя? Залез в петлю, и дело с концом. А не в петлю, так газовые горелки в квартире еще никто не отменял. Духовка для такого дерьма вполне сгодится. Разумеется, ему, как водителю со стажем, могло быть известно, что оксид азота в десять раз более опасный, ■

чем тот же угарный газ, но для того, чтобы лишить себя жизни, и угарного вполне достаточно.

— Вижу, вы основательно этот вопрос изучили, — вздохнул Лев. — И все же одних телефонных звонков маловато будет. Быть может, ваш отец сам замешан в том деле, про которое грозился полиции рассказать? Вы ведь его практически не знаете, верно? Так почему не предположить худшее? Возможно, тот, что с угрозами звонил, знал вашего отца лучше, чем вы, и был уверен, что никуда он не пойдет, скорее руки на себя наложит. Вот он и наложил. Устал от бремени преступления, понял, что от шантажиста не избавится, и одним махом решил все свои проблемы. Такое, кстати, тоже нередко случается.

— Нет, полковник Гуров, такого быть не могло. Олег не преступник, — горячо возразил Никита. — Он никакого преступления не совершал. Тот, второй, — наверняка, потому что отец так говорил. Но сам он перед законом чист. Он тогда именно так и сказал.

— Попробуйте воспроизвести диалог полностью, — не столько ради выяснения фактов, сколько ради успокоения души попросил Гуров. — Слова, вырванные из контекста, можно интерпретировать как угодно.

— Хорошо, я попробую. — Никита наморщил лоб, пытаясь вспомнить разговор дословно. — Когда я подошел, отец ходил вдоль парапета. Он был зол. Первая фраза, которую я услышал, звучала так: «Ты свои угрозы прибереги для другого лоха. Меня тебе не достать, и ты это прекрасно знаешь». Потом говорил тот, второй. Отец слушал. Затем его голос изменился, стал каким-то отстраненно-ледяным. Вот тогда он и сказал: «В общем, так, не хочешь по-хорошему, я могу и другой вариант разыграть. Не прекратишь меня доставать, пойду в «уголовку» и выложу им все про ваши художества. Ты знаешь, о чем я. И не нужно дурака из себя строить. Пятак свой ты по-любому получишь. Жаль, не сделал этого сразу, давно бы от тебя избавился». Потом опять второй говорил, Олег даже трубку от уха отвел, тот, видимо, орал на него, но мне слышно не было. Под конец отец сказал: «Мое слово последнее. Либо ты навсегда из моей жизни исчезаешь, либо можешь считать, что заявление уже лежит на столе начальника уголовного розыска. Решать тебе. Надеюсь, ты примешь верное решение», — и сбросил вызов.

— Пятак, говоришь? — задумчиво произнес Гуров. — Пятак за мелочовку не дают.

— Я и не думаю, что речь про мелочовку шла, — согласился Никита. — Потому и на-

стаиваю на том, что отца убили. Ради того, чтобы избежать пятилетнего срока, могли и на убийство пойти. Тем более что замаскировали его под самоубийство. Отравился в гараже мужик, кто копать будет? Ну, отравился и отравился, одним меньше, одним больше. В Москве человеческих ресурсов немерено, от одного не убудет. Да и серьезных дел невпроворот, чтобы еще с такой ерундой возиться. Можно на суицид списать, и хорошо, «висяка» на отделе не будет.

То, что парнишка попал не в бровь, а в глаз со своим «висяком», Льва несколько покоробило, но пока из рассказа Никиты он не мог сделать для себя каких-то выводов. Может, Паршин сам на себя руки наложил, а может, и помогли ему. Пятьдесят на пятьдесят, но в полиции и правда могли посчитать, что этих пятидесяти за глаза хватит, чтобы закрыть дело.

— Кто вел дело Паршина?

— Следователь Жизодра, — выдал Никита.

— Жизодра? Это из Кунцевского райотдела?

— Да, оттуда, — подтвердил Никита.

— Почему он?

— Отца в их районе нашли.

— А жил он где?

— В Царицынском районе, у метро «Кантемировская».

— Далековато гаражик, — заметил Лев.

— Я сказал то же самое, а следовательно заявил, что снимал он его не под машину, под свою смерть, поэтому и выбор такой странный. Но если подумать, ничего странного в этом нет. Там места глухие, а аренда копеечная. Только я вот думаю: на черта ему деньги экономить, если он все равно воспользоваться остатком не планировал? Глупо. Так что, вы возьметесь за это дело? — с надеждой в голосе спросил Никита.

— Не думаю, что смогу чем-то вам помочь, — честно признался Гуров. — Пока из того, что вы рассказали, я не услышал ничего, чтобы однозначно вызвало сомнения.

Надежда, вспыхнувшая было в душе парнишки, тут же испарилась, будто клапан из воздушного шара вынули, и он за секунду сдулся. Взгляд снова приобрел тот оттенок, который Гуров называл «безнадежное отчаяние». «Черт, не смотри на меня так, — мысленно простонал он. — Не смотри, тебе говорят!» Будто услышав его мысли, Никита отвел взгляд в сторону. Посидел с минутой молча, затем так же молча поднялся и поплелся к двери. Лев смотрел ему вслед, и на душе становилось все паршивее. «Вот что ты за человек, Гуров, — чертыхнулся он про себя. — Правильно тебя Орлов сегодня песочил. Мало, видно, раз и часа не прошло,

а ты снова за старое. Ведь ясно как день, что дело безнадежное. Куда лезешь?»

Но отпустить парня в таком состоянии, не оставив даже надежды, он просто не мог. «Ведь пацан совсем, едва двадцатник разменял, а уже такие перипетии в жизни. И что, оставить его всю жизнь с этим грузом жить? Не зверь же ты, Гуров! Забудь про Орлова, делай то, что подсказывает совесть».

— Погодите, Никита, — остановил Лев парня. — Вернитесь, обсудим кое-что.

Никита резко повернулся и снова сел на стул.

— Давайте поступим так: я свяжусь со следователем, изучу материалы дела, и после этого мы встретимся и поговорим. Такой вариант вас устроит?

— А разве у меня есть выбор?

— Выбор, брат, всегда есть. Пока человек жив, у него есть этот самый чертов выбор. Не забывайте, это вы пришли ко мне за помощью, и убеждать взяться за дело должны меня вы, а не я вас.

— Простите, — смутился Никита. — И поверьте, я благодарен вам уже за то, что выслушали меня. Предложение ваше очень щедрое. Все же какая-то надежда.

— Должен предупредить: следователя, который вел дело вашего отца, я знаю с положительной стороны, поэтому особо не

обольщайтесь. Жизодра — мужик толковый, вьедливый, если что-то учует, не отступит-ся. Конечно, и он может ошибиться, он ведь не провидец, но шансов на это мало. Можно сказать, совсем крохотный шанс.

— Крохотный — уже хорошо, — немного повеселел Никита и вдруг добавил: — А знаете, я уверен, что вы увидите то, что проглядел Жизодра. Непременно увидите. До свидания, полковник Гуров. И удачи вам с расследованием!

Никита быстро поднялся и почти бегом выбежал из кабинета. Лев проводил его задумчивым взглядом и медленно проговорил вслух:

— Я тоже в этом почти уверен, Никита. Почти уверен.

Гуров не привык откладывать дела в долгий ящик, поэтому, полистав записную книжку, выудил из памяти телефона номер следователя Жизодры и нажал кнопку вызова. С Аристархом Генриховичем Жизодрой судьба свела его лет пятнадцать назад, когда тот делал первые неуверенные шаги в роли следователя районного отдела полиции. Помимо странной фамилии и экзотических имени-отчества, насмешница-судьба наградила Жизодру своеобразной внешностью. Рост под два метра сочетался с короткими,

едва достигающими до пояса руками. Толстый мясистый нос соседствовал с утонченными скулами и длинной гусиной шеей. Красно-рыжие волосы упругими кудрями кустились над ушами и воротником, но категорически отказывались расти на макушке, отчего любая прическа на голове Жизодры выглядела как парик клоуна. В довершение ко всему глаза его так глубоко засели в черепе, что, даже когда он пребывал в приподнятом настроении, собеседнику казалось, что, кроме подозрения и неприкрытой злобы, те ничего выражать просто не умеют.

Такой винегрет из нелепых сочетаний должен был бы сделать из Жизодры закомплексованного нелюдима, но этого не произошло. Жизодра любил жизнь, любил людей и общение с ними. Он легко шел на контакт, всегда поддерживал любой кипиш насчет «посидеть за кружкой пива» или «устроить сабантуй». Часто сам выступал инициатором общественных мероприятий, и если уж брался за его организацию, то делал все по высшему разряду.

Звонку Гурова Жизодра обрадовался, как подросток рождественскому подарку. Услышав в трубке голос полковника, он радостно завопил:

— Здорово, бродяга, где пропадал? Сто лет не звонил, я уж, грешным делом, начал

думать, не помер ли ты. А ты вот он, живой и невредимый. Как жена? Как служба? С Крячко еще не разодрались окончательно? Хотя это вряд ли, вы ведь, как сиамские близнецы, срослись друг с другом самым дорогим — своими извилинами. Хороша шутка, что скажешь?

— И тебе не хворать, Аристарх Генрихович, — поздоровался Гуров. — Шутка твоя с бородой до пят, и ты это прекрасно знаешь. Так что похвалы не жди.

— Ну вот! Так всегда. Пришел Гуров и все опошил, — продолжал балагурить Жизодра. — А я ведь старался. Повеселить хотел старшего товарища. А он в своем Главке совсем чувство юмора растерял, на бюрократические штампы променял. Эх, умирает старая гвардия, как пить дать умирает! Ты в курсе, что у нас опять начальство сменилось? Старые тараканы на покой ушли, новые зажигают. Не далее как вчера наш новый ставленник такое отчебучил, стыдно рассказывать.

— Стыдно, так не рассказывай, — посоветовал Лев. — Тем более что я тебе по делу звоню.

— Кто бы сомневался, — протянул Жизодра. — Когда это полковник Гуров мелкой сошке Тасику Жизодре просто так звонил? Ладно, я не в обиде. Не забываешь приятеля, и то хорошо. Что за дело?

— Месяц назад в твоём районе нашли труп. Паршин Олег, отравление выхлопными газами.

— А, это тот, что в гараже погиб? Помню. Что, парнишка его до тебя добрался?

— Как догадался?

— Да сразу было понятно, что просто так он от своей идеи не отступится. Я, правда, думал, он в прокуратуру жалобу накатает. Так, мол, и так, злой следователь не внемлет лепету младенца. Посодействуйте, пожурите этого черствого полицейского. А он с козырей зашел. Молодец, парень, уважаю!

— Что, совсем безнадежное дело?

— Да там все черным по белому. Видео-запись оставил бы, и то более очевидным это дело не стало бы, — заявил Жизодра. — А парнишку жалко. И желание его понятно, да только не все в этой жизни от нашего желания зависит.

— Думаешь, совсем никаких шансов? Даже одного захудалого не дашь на то, что Паршин не сам на себя руки наложил?

— Вопрос с подвохом? — усмехнулся Жизодра. — Ты ведь знаешь, что один шанс всегда есть. Про незаряженное ружье всем известно.

— Дело в архив уже передал?

— Хочешь покопаться? Что ж, приезжай.

■ Выдам тебе материалы дела под расписку.

И от себя кое-что добавлю, если будет желание послушать.

— Через час приеду, на месте застану?

— Да хоть через два. Посижу, подожду старого друга, — пообещал Жизодро. — Чайку организую, чтобы на сухую не сидеть. У нас тут неподалеку кондитерскую открыли, там такая выпечка, ум отъешь. Приезжай, Гуров, угощу на славу. И пирогами, и баснями.

Лев сбросил вызов, не прощаясь. Взглянул на часы, часовая стрелка приближалась к шести. «Рабочий день почти закончился, а в свободное от работы время я волен делать что пожелаю, — будто продолжая спор с Орловым, мысленно проговорил он. — А желаю я заняться добрым делом. Кому не нравится, пусть катится ко всем чертям!» Выключив компьютер, запер кабинет, сдал ключ дежурному и поехал в район Кунцево.

Следователь Жизодро обещание сдержал. К приезду Гурова на столе чего только не было: пироги с вишней, заплетенные в узорные косы, горячие пончики, щедро обсыпанные сахарной пудрой, чебуреки, с пылу с жару, пирожки всех мастей и даже солидный кекс с изюмом и цукатами. Над тарелками с выпечкой возвышался самый настоящий самовар. Из «носика» привычно капало в подставленное блюдечко, только щепок

для растопки не хватало. Вместо них от пузатого бока к электророзетке протянулся черный шнур. Разглядывая все это изобилие, Лев, не удержавшись, рассмеялся:

— Вот это, я понимаю, прием! И что я раньше не приехал?

— И я про то же, — поддержал шутку Жизодра, сгребая ладонь Гурова в свои крупные лапищи. — Сколько времени потерял, товарищ полковник. У нас здесь такой шикарь каждую неделю.

— И начальство одобряет?

— Начальство дольше трех здесь не задерживается, — сообщил Жизодра. — Не царское это дело в отделе до ночи торчать. На то смерды посажены.

— Да ладно тебе приbedняться. Небось сами рады, что начальство не усердствует.

— Так-то да, — согласился Жизодра. — У нас ведь как в армии: подальше от начальства, поближе к кухне.

Минут десять, пока Гуров определялся с угощением, болтали о пустяках. Вспоминали общих знакомых из окружения Гурова, затем все тех же общих знакомых из окружения Жизодры, но когда чайная чашка опустела, Лев перешел к делу. Отодвинув угощение, Жизодра выложил перед другом папку с делом Олега Паршина, и тот начал знакомиться с материалами дела. Как он

и предполагал, работу Жизодро выполнил добросовестно. Протокол осмотра места происшествия, протоколы допроса свидетелей, протокол осмотра места проживания погибшего — все было на месте и оформлено как полагается. Здесь же лежал документ от патологоанатома. Результаты вскрытия по всей форме.

— Да, чистый материал, — кивнул Лев, отодвигая папку в сторону. — И все же есть в этом деле что-то, что мне совсем не нравится.

— Те злосчастные звонки? — предположил Жизодро. — Звонки дерьмовые, согласен. Только с чего ты взял, что они связаны с его смертью? Или хочешь доказать факт доведения до самоубийства?

— Не думаю, что хочу, — задумчиво проговорил Лев.

— Тогда чего ты хочешь? — настаивал Жизодро. — Чего ты на самом деле хочешь, Гуров?

— Хочу, чтобы у парня не осталось и тени сомнения в том, что его новоявленный отец свел счеты с жизнью. Чтобы из его головы раз и навсегда улетучилась мысль, что кто-то насильно забрал эту самую жизнь. Вот чего я на самом деле хочу, Тасик.

Тасиком Гуров называл Жизодру только в моменты крайнего волнения. Жизодро

понял, что вопрос для друга очень важен, и сменил тактику.

— Значит, посмотрим на дело с другой стороны, — заявил он. — За что здесь можно зацепиться? Начнем с того, что в Москву Паршин приехал не так давно. Это не означает, что за короткий срок он не успел нажить себе здесь кровных врагов, но все же более логично будет предположить, что проблемы Паршина тянутся с прошлого места жительства. А жил он в славном городе Череповце. И занимался наш погибший ни много ни мало торговлей металлом. Солидный бизнес, так ведь?

— Солидный и опасный, — согласился Гуров.

— Так и есть. Его прошлое мы проверили. Паршин не стал воротилой от металлургии, но свою нишу держал крепко и денежки вроде неплохие имел. Почему все бросил и перебрался в столицу? Тут два варианта: либо от банкротства сбежал, либо с партнером по бизнесу в контры вышел.

— Партнер по бизнесу что говорит?

— Ничего не говорит.

— Не опрашивали? — предположил Гуров.

— Не смогли. Его партнер, Якимушкин Сергей, примерно через месяц после того, как стал единовластным хозяином бизнеса,